

И. Э. Магадеев

В поисках «сильной руки»: революционный кризис в России в 1917 г. и французские представления о выходе из него

Во время мероприятий, приуроченных к 100-летию Великой российской революции, нередко звучал тезис о ее «мировом значении»¹. Если исходить из него, то разностороннее понимание истории революции предполагает учет такого аспекта, как восприятие событий 1917 г. зарубежными современниками. Тот факт, что Российская революция была неразрывно связана и оказывала серьезнейшее влияние на ход продолжавшейся Первой мировой войны, усиливает интерес к «перекрестному» изучению истории 1917 г. исходя не только из внутрироссийских реалий, но оценок и воздействия на них со стороны иностранных держав.

Цель статьи — выявить представления французских дипломатических и военных представителей в России о способах выхода из революционного кризиса 1917 г. Зарубежные оценки революционных событий являлись предметом изучения отечественных историков, однако в советское время исследователи встречались со сложностями как идеологического, так и источниковедческого порядка, в том числе ввиду слабой доступности французских архивов². Расширение доступа российских историков к этим документам, а также ситуация методологического плюрализма позволили, начиная с 1990-х гг., достаточно серьезно продвинуться в понимании ряда

**Магадеев
Искандэр
Эдуардович**
канд. ист. наук,
доц., Московский
государственный
институт (университет)
международных
отношений (Москва,
Россия)

вопросов, связанных с эхом Российской революции в Третьей Республике и его воздействием на российско-французские отношения³.

Внимание отечественных исследователей, как правило, было сосредоточено на определении роли стратегических факторов, влиявших на французские оценки событий 1917 г.⁴; и на восприятии места России в продолжавшейся Первой мировой войне⁵. Историки пристально изучали деятельность разнообразных органов, представлявших интересы Франции в России (особенно — работу французской военной миссии)⁶; анализировали отдельные важные эпизоды российско-французского взаимодействия, в том числе историю миссии в Россию влиятельного министра вооружений А. Тома в апреле — июне 1917 г.⁷ Ряд исследований, посвященных теме французского восприятия Российской революции в 1917 г., давал общую палитру оценок, имевшихся в Париже, а также у представителей Третьей Республики на местах⁸. Во многих случаях российским историкам удавалось дополнить и расширить наработки зарубежной (прежде всего французской) историографии по аналогичным или смежным проблемам⁹.

Несмотря на уже имеющийся объем работ по восприятию революционных событий 1917 г. во Франции, некоторые вопросы остаются в числе менее исследованных. К ним, в частности, относится проблема восприятия французскими наблюдателями внутривнутриполитических процессов в России. Ее изучение призвано расширить понимание международного контекста Российской революции, а также высветить новые грани событий 1917 г.

Для достижения цели исследования автор привлек незадействованные ранее в отечественной историографии документы из Центра Дипломатического архива в г. Курнёв (*Le centre des Archives diplomatiques de La Courneuve*), а также из Национального архива Франции (*Archives nationales (France)*). В первом случае речь идет прежде всего о подборке материалов, представленной на специальной выставке «Российские революции: дипломатические документы». Она состоялась в здании Дипломатического архива с 1 декабря 2017 по 30 апреля 2018 г. (г. Курнёв, пригород Парижа). Экспозицию составили материалы из обширного фонда «Корреспонденция по политическим и торговым вопросам»¹⁰, а также документы из личных фондов дипломатов, работавших или связанных с российским направлением внешней политики Франции (прежде всего, посла М. Палеолога)¹¹. Из Национального архива Франции автор привлек материалы, хранящиеся в личном фонде главнокомандующего французской армии генерала А. Ф. Петена¹².

Стремительно менявшаяся социально-политическая обстановка в России в 1917 г. нередко ставила Париж и французских представителей на местах перед проблемами, связанными (особенно после Октября) со сложностями получения информации и ее интерпретацией. К примеру, в донесении от 16 ноября 1917 г.¹³ полковник де Ранти, член французской военной миссии в Румынии, находившийся проездом в Москве, полагал, что большевики могут восстановить монархию в России, что было далеко от реальности¹⁴.

Различные оценки революционных событий были тесно связаны с внутренними противоречиями в среде французских дипломатов и военных.

Разногласия проходили, главным образом, по линиям правые — левые, деятели в центре — деятели на местах. Однако и те, и другие исходили из базовой цели стратегического характера — сохранить Восточный фронт и обеспечить продолжение участия России в войне. До провала Июньского наступления российской армии в Париже надеялись, что на Восточном фронте будут вестись активные действия. После этих событий расчет строился на том, что фронт, даже являясь «пассивным», будет продолжать приковывать к себе немецкие и австро-венгерские дивизии.

Еще до Февраля многие французские представители в России пессимистично смотрели на будущее империи. Глава французской военной миссии генерал М. Жанен в донесении от 14 января 1917 г. анализировал уроки кампании 1916 г. Он предупреждал свое руководство о том, что ввиду «колоссальных потерь» «не только армия, но и вся страна» считают невозможным сражаться методами, использовавшимися ранее: «человек против техники, пехотинец против снаряда»¹⁵.

Одним из лейтмотивов французских донесений из России была идея нарастающей дезорганизации в империи, некомпетентности государственного руководства и неспособности навести «порядок». В январе Жанен критиковал «индифферентность и плохую организацию русских», что фиксировали в Генштабе французской армии¹⁶. Посол Палеолог особенно внимательно следил за ситуацией в российских верхах, опасаясь различных, тлетворных, с его точки зрения, влияний на Николая II, которые он связывал с императрицей Александрой Федоровной.

В январе в телеграммах, отправляемых в Париж, французский дипломат не скрывал своих надежд, что после убийства Г. Е. Распутина в ночь на 30 декабря 1916 г. влияние императрицы на Николая снизится. С чувством аристократического превосходства М. Палеолог докладывал, что «политическая атмосфера станет значительно более здоровой в результате исчезновения этого сибирского мужика, который выступал одновременно апостолом, чудотворцем и сатиром. Он по-настоящему “околдовал” императрицу и через нее навязал свою волю и императору». Французский посол рассчитывал, что Николай II с помощью «какой-либо юридической уловки» не будет наказывать «великого князя Дмитрия [Павловича] и его сообщников»¹⁷. Однако Палеолога ждало некоторое разочарование. 17 января он сообщал в Париж: «...поныне нужно считаться с воздействиями, которые стремится оказывать императрица, каждый день приходящая молиться ко гробу Распутина»¹⁸. М. Жанен также считал необходимым сократить «германофильское» влияние, исходившее от Александры Федоровны¹⁹.

Подобные оценки примечательны ввиду того, что Палеолог и Жанен были вхожи в круг императорской фамилии и отнюдь не являлись антимонархистами, в отличие от многих французских левых. М. Палеолог еще в начале января сообщал о чрезвычайной усталости Николая II: последний, с точки зрения дипломата, «не понимает серьезности сложившейся ситуации»²⁰. М. Жанен, являясь сотрудником 2-го (разведывательного) бюро Генштаба, посещал Россию с 1890-х гг. С 1896 г. он был знаком с Николаем II и позднее сумел приобрести

симпатию цесаревича Алексея. Однако генерал достаточно трезво оценивал перспективы развития политической ситуации в России. Диалог с Николаем II, состоявшийся 20 марта в Ставке (через пять дней после отречения), произвел на главу французской военной миссии гнетущее впечатление. М. Жанен записал в своем дневнике: «Необходимо, чтобы он покинул Россию — и как можно быстрее. Неизвестно, удастся ли сделать это позже и что вообще произойдет. У нас, у французов, есть опыт революций»²¹. Сравнение Российской и Французской революций нередко было «линзой», через которую французские деятели рассматривали события 1917 г.

После отречения Николая II у некоторых наблюдателей (особенно среди левых, в том числе министра-социалиста Тома и его эмиссара в России Э. Пети) имелись надежды на то, что в войсках и обществе возникнет новый революционный патриотизм и энтузиазм. Однако у кого-то быстрее, у кого-то медленнее эти настроения сменялись пессимизмом²². Представители Третьей Республики в России были настроены, как правило, более скептически, чем некоторые члены французского правительства и Генштаба.

На фоне стремительных революционных процессов и издания Петроградским советом приказа № 1 от 14 марта, который, по оценке Жанена, «разрушил дисциплину в армии»²³, французский генерал все больше укреплялся в негативных оценках ситуации. В донесении от 19 марта он воздерживался от алармизма: «Происшедшая на днях революция еще слишком свежа в памяти, чтобы с военной точки зрения быть вполне осведомленным или надежно предвидеть ее последствия...»²⁴ Однако через девять дней, после получения тревожного письма от начальника штаба Верховного главнокомандующего генерала от инфантерии М. В. Алексеева, Жанен уже более уверенно писал о колоссальных проблемах России. Он полагал, что они простирались от «бессилия правительства» и «пацифистских тенденций ряда кругов» до некомпетентности и высокомерия офицерского состава и отсутствия дисциплины среди солдат²⁵.

М. Палеолог, не испытывавший больших надежд по поводу Февраля, быстрее пришел к схожим выводам. В телеграмме от 20 марта посол полагал, что отношения между императорской фамилией и новыми властями стремительно ухудшаются: «Крайне левые партии считают, что “гражданин Николай Романов и его супруга Александра” затягивают свое пребывание в России; они обвиняют их в секретных приготовлениях по реставрации авторитаризма, в заговоре с умеренными министрами [Временного правительства] и с императором Германии. Это тот дух, который господствовал во Франции после возвращения из Варенна»²⁶. Если пресечение попытки бегства Людовика XVI из Франции в местечке Варенн 22 июня 1791 г. изменило отношение к нему революционных сил, то схожая судьба, намекал Палеолог, могла постигнуть Николая II.

Растущий скепсис по поводу реальных возможностей России успешно продолжать войну усиливался на протяжении весны — лета благодаря давним французским стереотипам об этой стране. Не претендуя на полноту списка, отметим лишь три из них. Во-первых, представление о «русской инерции», которое разделял как консервативный глава французской военной миссии в Румынии генерал А. Бертело²⁷, так и левый по убеждениям член французской

военной миссии в России капитан Ж. Садуль, позднее перешедший на сторону советской власти²⁸.

Во-вторых, идею о неспособности к порядку и организованной свободе. Визит в расположение 13-го армейского корпуса, осуществленный в мае, произвел на Жанена гнетущее впечатление, под которое он стремился в своем дневнике подвести некую «базу»: «После революции не делают ничего. Отчасти это объясняется филологией. Славянский корень “раб” означает одновременно работу и раба»²⁹. Французский представитель при российском Западном фронте генерал Э. Рампон в октябре в неформальном разговоре с новым главой французской военной миссии генералом А. Нисселем сравнивал ситуацию в России с той, что произошла, если бы отменили ислам в мусульманских странах: «Таким образом, наступил крах... инерция, помножьте русскую инерцию на 200 миллионов... да, быть может, Вы и сможете навести порядок, но когда, Боже мой, когда это произойдет?»³⁰

В-третьих, подобные стереотипы гармонично сочетались с восприятием России как «восточной», «азиатской» и отсталой страны. 23 сентября на страницах газеты «Ом аншене» будущий председатель Совета министров Франции Ж. Клемансо писал, что «революция, внезапно произошедшая в царской империи, разрушила невыносимый политический режим. Вместе с тем она дезориентировала умы, сформировавшиеся в рамках восточной системы ценностей, внезапным переходом из состояния полного рабства к неистовым проявлениям ничем не ограниченной свободы»³¹.

Дезорганизация российской армии и растущее нежелание общества продолжать войну вкупе с обозначенными выше стереотипами были определены в донесениях французских представителей как анархия, царящая в России. Еще 14 марта Палеолог передавал в Париж слова одного из своих информаторов, близких ко Временному правительству, об «анархической роли» армии в произошедших волнениях: «Не такой... они предвидели революцию»³². Тезис об «анархии, которая господствует внутри России», в мае — июне был характерен для внутренних документов Главной квартиры французской армии, а также для донесений Жанена по результатам посещения соединений российского Западного фронта³³. К концу года подобный настрой еще более прочно закрепился в Париже: «Революционная “свобода” сразу обернулась тотальной разнузданностью», — говорилось во внутренней записке МИД Франции от 1 октября³⁴.

На фоне утверждавшихся представлений об анархии французские дипломаты и военные все чаще видели выход из революционного кризиса в России в появлении «сильной руки», которая наведет дисциплину и порядок. Однако подобное понимание, разделяемое большинством деятелей Третьей Республики, наталкивалось на сложности в реализации и на разнообразие акторов, а также на стремительность развития революционного процесса в России.

В первые месяцы 1917 г. Палеолог и Жанен все еще рассчитывали на то, что среди элиты Российской империи найдутся люди, которые смогут остановить нарастание анархии в стране. Французский посол с опасением воспринял отставку А. Ф. Трепова с поста председателя Совета министров в январе. После беседы с ним, состоявшейся 1 февраля, Палеолог отметил в своем дневнике:

«...в его личности такая сила энергии и повелительности, что зло кажется легко поправимым»³⁵. Сам Трепов во время встреч с Жаненом, имевших место на протяжении апреля, пытался продемонстрировать свой профранцузский настрой, а также сыграть на общей с собеседником неприязни к Февральской революции³⁶.

В донесении от 19 марта Жанен все еще надеялся на «престиж великого князя Николая [Николаевича], который поможет преодолеть кризис и неуверенность» в армии³⁷. Член французской военной миссии капитан Э. де Малесси, близко знакомый с Треповым, 27 апреля напрямую говорил Тома о своем желании видеть «сильную власть» в России. Он даже выражал надежду, что «союзники подвигнут Временное правительство на государственный переворот, а если оно откажется, то выдвинут ему свои условия»³⁸.

Французские представители на местах отнюдь не были единодушны в том, на кого сделать ставку в поисках «сильной руки». Это было обусловлено не только самой скоростью революционных процессов, но и внутренними противоречиями среди дипломатов и военных по линии правые — левые. М. Палеолог уже в день приезда Тома в Россию (22 апреля) советовал французскому социалисту оказать поддержку российскому министру иностранных дел П. Н. Милюкову, а не более близкому Тома, с идеологической точки зрения, эсеру А. Ф. Керенскому, занимавшему пост министра юстиции³⁹.

Однако именно с Керенским связывал Тома свои надежды на революционный энтузиазм российских масс, возникновения которого после Февраля он ожидал по аналогии с событиями Французской революции. Обрадованный атмосферой в Киеве, посещенном им 24 мая, Тома отметил в дневнике, что «ярый энтузиазм, который мы видели и во многих других случаях», сопровождал приезд в город Керенского, недавно назначенного военным и морским министром⁴⁰. Тогда же Керенский, отчасти подыгрывая Тома, убеждал собеседника в том, что, проезжая недавно через Ревель, он наблюдал «патриотизм, напоминавший тот, что существовал [во Франции] в 1792 г.»⁴¹.

Вместе с тем весной и в начале лета не только французские левые связывали свои надежды с личностью военного и морского министра. А. Петен и начальник Генштаба генерал Ф. Фош считали в июне, что меры по укреплению дисциплины в армии начали давать результаты⁴². Вновь шли в ход аналогии с Французской революцией. Представители Третьей Республики искали в России своих Сен-Жюстов и Карно. Роль Сен-Жюста Российской революции прочили Керенскому Палеолог в телеграмме, отправленной в Париж 31 марта⁴³, а также Жанен, записавший в своем дневнике 9 июня: «...если Керенский будет иметь дух Сен-Жюста, мы победим»⁴⁴.

Однако на протяжении лета представители Третьей Республики дистанцировались от подобных похвальных сравнений. Э. Рампон, традиционно отличавшийся пессимистичным взглядом на ситуацию в России, уже 10 июня сообщал своему руководству: если правительство не изменит приказ Керенского от 24 мая («Декларация прав солдата»), нельзя быть уверенным не то что в активных российских действиях, но и в том, «что немецкое наступление будет отбито»⁴⁵.

В августе подобный пессимизм проник практически во все французские донесения. В резюме телеграмм французских дипломатических и военных представителей в России за 22 августа — 2 сентября упоминалось о «наших военных корреспондентах, считающих преувеличением именование Керенского “Карно” России, ибо он не обладает достаточной силой и независимостью, снижается и [его] популярность»⁴⁶. Телеграмма, отправленная 30 августа новым послом Ж. Нулансом, сменившим Палеолога в июле, звучала реквиемом по прошлым ожиданиям: «Восхитительный всплеск доверия к Керенскому в прошлом сделал разочарование в нем еще большим, поскольку тот оказался не на высоте положения»⁴⁷.

По мере роста разочарования в Керенском французские наблюдатели обращали все больше внимания на фигуру генерала от инфантерии Л. Г. Корнилова, назначенного 31 июля новым Верховным главнокомандующим. «Хороший выбор», — так на страницах своего дневника Жанен прокомментировал это решение⁴⁸. Позитивное отношение вызывало и окружение Корнилова, в том числе генерал-лейтенант А. И. Деникин. «...Первый человек, которого я встретил здесь. Но, безусловно, его столкнут», — писал Рампон в бытность Деникина командующим Западным фронтом. Э. Рампон противопоставлял его бывшему командующему фронтом генералу от кавалерии В. И. Гурко, которого французский представитель обвинял в безволии⁴⁹.

Многие деятели посольства и военной миссии Франции надеялись, что Корниловское выступление 10–13 сентября станет тем событием, когда к фактической власти придет диктатор, который не допустит выхода России из войны. Вместе с тем твердых надежд на такое развитие событий не было. 10 сентября, после разговора с военным атташе Франции полковником А. Лавернем, член французской военной миссии лейтенант П. Паскаль зафиксировал в дневнике реакцию Лаверня на действия Корнилова: «Намерения благие, но средства достойны порицания. Все это он произносит без большой убежденности, если бы он верил в успех Корнилова, то пожелал бы его. Вижу, что таково же глубокое мнение других офицеров; оно сквозит в их речах, что бы они ни выражали»⁵⁰.

13 сентября, когда Корнилов заверял Жанена в том, что его дело еще не проиграно, французский генерал с чувством пожал ему руку, а позднее отметил в дневнике: «Какой же герой этот человек!»⁵¹ М. Жанен продолжил убеждать Париж в возможной «благотворности» выступления. Последнее, рассчитывая глава французской военной миссии, могло заставить правительство принять новые меры с целью восстановить дисциплину в армии⁵². Во время упомянутой беседы с Жаненом Корнилов упирал на возможную поддержку со стороны казачьих частей, которые заставят Временное правительство пойти на соглашение с ним. Сами французские представители также питали по поводу казаков как фактора «порядка» определенные надежды⁵³.

Вместе с тем во французских оценках прагматизм нередко доминировал над идеологией, и правые претенденты на роль «сильной руки» в России рассматривались наряду с левыми. В конце сентября на страницах дневника Жанен называл эсера Б. В. Савинкова «единственным из российских политических деятелей, который произвел на меня впечатление энергичного чело-

века»⁵⁴. Во время встречи с Садулем, состоявшейся 30 октября, Г. В. Плеханов заверял собеседника в том, что «единственная надежда — Савинков, скомпрометировавший себя в деле Корнилова, политически рассорившийся с Керенским, но к которому министр-председатель сохраняет большую симпатию». Однако патриарху российской социал-демократии не удалось убедить Садуля. «...Не забывает ли Плеханов, что Савинкова финансирует Путилов?» — отметил французский социалист в отчете о состоявшейся встрече⁵⁵.

Как можно заметить, поиск российских «якобинцев», которые «железной рукой» наведут порядок в армии и в стране, осуществлялся французскими наблюдателями преимущественно среди эсеров. Аналогия с якобинцами отвергалась большинством французских наблюдателей, когда речь шла о большевиках, притом что сам В. И. Ленин и его соратники нередко сопоставляли себя именно с этой группой французских революционеров⁵⁶. В оценках большинства представителей Третьей Республики в России большевики представляли безответственными пропагандистами и агентами Германии, т. е. «предателями, агрессорами, дезорганизаторами», согласно списку ходовых выражений, зафиксированному Паскалем 26 декабря⁵⁷.

Приход к власти большевиков рассматривался французскими наблюдателями, с одной стороны, как закономерный процесс, а с другой — как временное и преходящее явление. Дневниковые записи Жанена с 20 сентября по 7 ноября отражали рост пессимизма французского генерала по мере усиления большевиков. Последние «все больше становятся хозяевами города» (конец сентября), «действия большевистских пропагандистов ... интенсивно развиваются на всем Юго-Западном фронте» (12 октября), «выступление большевиков ожидается через короткое время» (1 ноября), «практически никто не поддерживает правительство» (7 ноября)⁵⁸.

Однако не все французские представители были настроены столь пессимистично. 20 сентября Г. Бертран, генеральный консул в Москве, с нескрываемым удовольствием сообщал о снижении влияния большевиков на рабочее население и гарнизон города⁵⁹. Телеграммы Нуланса из Петрограда (8 и 10 ноября)⁶⁰, Бертрана из Москвы (11 ноября)⁶¹, консула Г.-А. Вотье из Одессы (21 декабря)⁶² были проникнуты идеями о шаткости положения большевиков и о скором падении их власти. 5 декабря в письме, адресованном Тома, Садуль обобщил доминировавший тогда настрой: 7 ноября «реальность, как ее представляли в союзнических кругах, состояла в том, что выступление большевиков не продлится дольше утра, и, следовательно, нужно терпеливо ждать тех, кто придет им на смену...»⁶³.

Разочаровавшись в поисках «сильной руки» внутри России к лету 1917 г., французские политики и военные переключили свое внимание на внешние силы. В записке штаба Фоша от 21 июля присутствуют размышления о возможной договоренности между Францией, Великобританией и США с целью проводить общую политику в отношении России. Париж должен был взять на себя ответственность за укрепление российской армии, Лондон — флота, Вашингтон — транспортной системы⁶⁴.

Подобные настроения, концептуально подготавливавшие будущую интервенцию, усилились к концу года. В записке МИД Франции от 1 октября российский фактор рассматривался как «определяющий всё... с точки зрения политического ведения войны». Для сохранения Восточного фронта и недопущения немецкого господства в России МИД рекомендовал принять жесткие меры, де-факто равнозначные контролю Антанты над слабеющим союзником. «Великим союзным державам» рекомендовалось «установить в Петрограде политическую диктатуру на межсоюзной основе» и распространить свой контроль «на все механизмы» ведения войны Россией⁶⁵. Помимо западных держав, на роль восстановителей «порядка» в России рассматривались Япония, польские национальные части и румынская армия⁶⁶.

Таким образом, анализ донесений французских дипломатических и военных представителей из России в 1917 г. позволяет выделить две взаимосвязанные тенденции: во-первых, констатацию нарастающей анархии в России; во-вторых, попытки найти и поддержать такие силы, которые восстановят «порядок» и обеспечат продолжение участия страны в войне. Однако внутри этой общей концептуальной рамки существовала внутренняя неоднородность и волатильность.

Консервативно настроенные дипломаты и офицеры, разочаровавшись в Керенском и зафиксировав неудачу Корнилова, все больше склонялись к варианту восстановления «дисциплины» и поддержания Восточного фронта с помощью внешних сил. Напротив, наблюдатели из числа левых сначала питали больше надежд, связанных с Февралем, а затем предостерегали Париж против попыток опереться на контрреволюционные силы. 15 ноября Садуль убеждал Париж в том, что «союзники при нынешнем соотношении сил в России должны стремиться к тому, чтобы большевики на какое-то время оставались у власти...»⁶⁷. Подобная дихотомия в оценках предвещала дилеммы русской политики Парижа в период интервенции и Гражданской войны.

¹ Торкунов А. В. Мировое значение Великой российской революции 1917 года // Вестник РАН. 2018. Т. 88, № 5. С. 389–392.

² Манфред А. З. Традиции дружбы и сотрудничества. Из истории русско-французских и советско-французских связей. М., 1967; Зак Л. М. Они представляли народ Франции. К истории французских интернационалистов, 1918–1920 гг. М., 1977.

³ Смирнов Н. Н. Война, революционная Россия и Франция в 1917 г.: новые источники // Новейшая история России. 2014. № 3. С. 8–12.

⁴ Россия в стратегии Первой мировой войны. Кн. 1 / под ред. А. Ю. Павлова. СПб., 2014.

⁵ Ревакин А. В. Франция и Россия: проблема сепаратного мира в 1917 году, или Гонки на выживание // Россия и Франция. XVII–XX века. Вып. 2. М., 1998. С. 189–216; Магадеев И. Э. Восточный фронт в 1917 году и перспективы российской армии в оценках французских военных экспертов // Новая и новейшая история. 2017. № 6. С. 29–46.

⁶ Галкина Ю. М. Французская военная миссия в России в годы Первой мировой войны: дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2016; Павлов А. Ю., Гельтон Ф. В кабинетах и окопах: французские военные миссии в России в годы Первой мировой войны. СПб., 2019.

⁷ Смирнов Н. Н. Визит А. Тома в Россию (апрель — июнь 1917 г.) // Россия. Век двадцатый: сб. статей к 95-летию доктора исторических наук В. М. Ковальчука. СПб., 2011. С. 220–227.

⁸ *Слуцкая Л. В.* Русская революция 1917 г. глазами французов // *Гісторыя: праблемы выкладання.* 2002. № 3. С. 97–110; *Бодров А. В.* Отклик представителей союзных держав в России на революционные события 1917 года // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения.* 2018. Т. 11, вып. 2. С. 128–145. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu06.2018.202>.

⁹ *Ferro M.* L'Occident devant la Révolution soviétique. Bruxelles, 1991; *Coeuré S.* La Grande lueur à l'Est. Les Français et l'Union soviétique (1917–1939). Paris, 1999.

¹⁰ Archives du Ministère des Affaires étrangères (AMAÉ). Correspondence politique. Série C: Administrative (27 CPCOM 619); AMAÉ. Correspondence politique et commerciale. Guerre 1914–1918, Russie (1 CPCOM 658).

¹¹ AMAÉ. Papiers d'agents, Archives privées (PAAP): Maurice Paléologue (133 PAAP 4); Jean-Jules Jusserand (93 PAAP 32).

¹² Archives Nationales (AN), Papiers Pétain, 415 Archives privées (AP) 5.

¹³ Здесь и далее даты приводятся по григорианскому календарю.

¹⁴ *Vidal G.* Une alliance improbable: L'armée française et la Russie soviétique 1917–1939. Rennes, 2015. P. 26.

¹⁵ Les armées françaises dans la Grande guerre (AFGG). Т. 5. Pt. 1. Annexes. Vol. 1. Paris, 1932. P. 771. Перевод с французского здесь и далее мой. — *И. М.*

¹⁶ Note sur les opérations russes en 1917, 17 janvier 1917 // AFGG. Т. 5. Pt. 1. Annexes. Vol. 1. P. 841.

¹⁷ Paléologue à Paris, 1 janvier 1917; 3 janvier 1917 // AMAÉ. 133 PAAP 4. Fol. 3, 6.

¹⁸ Paléologue à Paris, 17 janvier 1917 // AMAÉ. 27 CPCOM 619. Fol. 17.

¹⁹ *Павлов А. Ю.* Проблема сохранения Русского фронта в деятельности французского Верховного командования 1917–1918 гг. // *Первая мировая война — пролог XX века.* Ч. 1 / отв. ред. Е. Ю. Сергеев. М., 2014. С. 102.

²⁰ Paléologue à Paris, 6 janvier 1917 // AMAÉ. 27 CPCOM 619. Fol. 16.

²¹ *Janin M.* En mission dans la Russie en guerre (1916–1917). Paris, 2015. P. 120.

²² *Павлов А. Ю.* Надежды и тревоги: реакция французского правительства на Февральскую революцию в России // *В поисках исторической истины: сб. науч. статей, посвященных 70-летию профессора В. Г. Буркова* / отв. ред. О. Н. Наумов. М., 2017. С. 301–311.

²³ *Janin M.* Op. cit. P. 136.

²⁴ *Россия 1917: от Февраля к Октябрю глазами французов* / публ. О. Ф. Соловьева // *Вопросы истории.* 1998. № 1. С. 4–5.

²⁵ Janin à Painlevé, 28 mars 1917 // AFGG. Т. 5. Pt. 1. Annexes. Vol. 2. Paris, 1932. P. 331.

²⁶ Paléologue à Paris, 20 mars 1917 // AMAÉ. 133 PAAP 4. Fol. 199.

²⁷ De Berthelot, 13 mai 1917 // AFGG. Т. 5. Pt. 2. Annexes. Vol. 1. P. 330.

²⁸ *Садуль Ж.* Записки о большевистской революции. 1917–1919. М., 1990. С. 59.

²⁹ *Janin M.* Op. cit. P. 166.

³⁰ Rampont à Pétain, 4 octobre 1917 // AN, 415 AP 5.

³¹ Цит. по: *Вершинин А. А.* Революция 1917 года в России глазами французских политиков // *Новая и новейшая история.* 2017. № 5. С. 148.

³² Paléologue à Paris, 14 mars 1917 // AMAÉ. 27 CPCOM 619. Fol. 80.

³³ Grand Quartier général. Note, 11 ou 12 mai 1917 // AFGG. Т. 5. Pt. 2. Annexes. Vol. 1. P. 302; *Janin M.* Op. cit. P. 186.

³⁴ Notes succinctes sur la situation en Roumanie et en Russie, 1 octobre 1917 // AMAÉ. 1 CPCOM 658. Fol. 221.

³⁵ *Палеолог М.* Царская Россия накануне революции. М., 1991. С. 271, 313.

³⁶ *Janin M.* Op. cit. P. 146–147, 150.

³⁷ *Россия 1917: от Февраля к Октябрю глазами французов.* С. 4–5.

³⁸ *Journal de Russie d'Albert Thomas* / Publ. de I. Sinanoglou // *Cahiers du monde russe et soviétique.* 1973. Vol. 14, no. 1. P. 117.

³⁹ *Палеолог М.* Указ. соч. С. 434.

⁴⁰ *Journal de Russie d'Albert Thomas.* P. 159.

⁴¹ *Ibid.* P. 102.

- ⁴² Note de Pétain, 5 juin 1917; Note de Foch, 11 juin 1917 // AFGG. Т. 5. Pt. 2. Annexes. Vol. 1. P. 716, 797–798.
- ⁴³ *Journal de Russie d'Albert Thomas*. P. 89.
- ⁴⁴ *Janin M.* Op. cit. P. 182.
- ⁴⁵ Приведено в: Rampont à Pétain, 1 août 1917 // AN, 415 AP 5.
- ⁴⁶ Россия 1917: от Февраля к Октябрю глазами французов. С. 11.
- ⁴⁷ Содержание телеграммы было разослано МИД Франции по другим дипломатическим постам. См.: De Ribot, 30 août 1917 // АМАЭ. 93 PAAP 32. Fol. 114–115.
- ⁴⁸ *Janin M.* Op. cit. P. 211.
- ⁴⁹ Rampont à Pétain, 1 août 1917 // AN, 415 AP 5.
- ⁵⁰ *Паскаль П.* Русский дневник. Во французской военной миссии (1916–1918). Екатеринбург, 2014. С. 378.
- ⁵¹ *Janin M.* Op. cit. P. 229.
- ⁵² Janin à Painlevé, 13 septembre 1917 // AFGG. Т. 5. Pt. 2. Annexes. Vol. 2. P. 718.
- ⁵³ Rampont à Pétain, 1 août 1917 // AN, 415 AP 5.
- ⁵⁴ *Janin M.* Op. cit. P. 232.
- ⁵⁵ *Садуль Ж.* Указ. соч. С. 25.
- ⁵⁶ *Кондратьева Т. С.* Большевики-якобинцы и призрак Термидора. М., 1993.
- ⁵⁷ *Паскаль П.* Указ. соч. С. 421.
- ⁵⁸ *Janin M.* Op. cit. P. 231, 234, 240, 242.
- ⁵⁹ Bertrand à Paris, 20 septembre 1917 // АМАЭ. 1 CPCOM 619. Fol. 29.
- ⁶⁰ Barthou à Jusserand, 8 novembre 1917 // АМАЭ. 93 PAAP 33. Fol. 256; Noulens à Paris, 8 novembre 1917; 10 novembre 1917 // АМАЭ. 1 CPCOM 658. Fol. 83, 115.
- ⁶¹ Bertrand à Paris, 11 novembre 1917 // АМАЭ. 1 CPCOM 658. Fol. 124.
- ⁶² Приведено в: Pichon à Jusserand, 21 décembre 1917 // АМАЭ. 93 PAAP 32. Fol. 128.
- ⁶³ *Садуль Ж.* Указ. соч. С. 104.
- ⁶⁴ Note, 21 juillet 1917 // AFGG. Т. 5. Pt. 2. Annexes. Vol. 2. P. 229.
- ⁶⁵ Notes succinctes sur la situation en Roumanie et en Russie, 1 octobre 1917 // АМАЭ. 1 CPCOM 658. Fol. 224.
- ⁶⁶ *Магадеев И. Э.* Восточный фронт в 1917 году. С. 42.
- ⁶⁷ *Садуль Ж.* Указ. соч. С. 58.

Статья поступила в редакцию 8 февраля 2021 г.
Рекомендована в печать 10 мая 2021 г.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Магадеев И. Э. В поисках «сильной руки»: революционный кризис в России в 1917 г. и французские представления о выходе из него // *Новейшая история России*. 2021. Т. 11, № 3. С. 576–588. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2021.301>
УДК 94(47).084.1; 94(47).084.2

Аннотация: Цель статьи — выявить представления французских дипломатических и военных представителей в России о способах выхода из революционного кризиса 1917 г. Разработка данной проблематики позволит расширить понимание международного контекста Российской революции, а также высветить новые грани революционных событий через их восприятие современниками. Источниковой базой исследования послужили незадействованные ранее в отечественной историографии документы из Центра Дипломатического архива в г. Курнёв, а также из Национального архива Франции. Анализ донесений французских дипломатических и военных представителей из России в 1917 г. позволил выявить следующие взаимосвязанные тенденции: 1) констатация нарастающей дезорганизации и анархии в России; 2) попытка найти и поддержать такие силы, которые восстановят «порядок» и обеспечат продолжение участия страны в войне. Однако внутри этой общей концептуальной рамки, характерной для большинства французских оценок, существовала внутренняя неоднородность. Консервативно

настроенные дипломаты и офицеры, разочаровавшись в А. Ф. Керенском и зафиксировав неудачу генерала Л. Г. Корнилова, все больше склонялись к варианту восстановления «дисциплины» и поддержания Восточного фронта с помощью внешних сил. Напротив, наблюдатели из числа французских левых сначала питали больше надежд, связанных с Февралем, а затем предостерегали Париж против попыток опереться на контрреволюционные силы. Дискуссии 1917 г. по поводу политики Франции в России предвещали дилеммы в отношениях Парижа с «красными» и «белыми» периода интервенции и Гражданской войны.

Ключевые слова: Россия, Российская революция, 1917, Франция, Антанта, Жанен, Тома, Садуль.

Сведения об авторе: Магадеев И. Э. — канд. ист. наук, доц., Московский государственный институт (университет) международных отношений (Москва, Россия); iskander2017@yandex.ru

Московский государственный институт (университет) международных отношений, Россия, 119454, Москва, пр. Вернадского, 76

FOR CITATION

Magadeev I. E. 'Searching for the "Strong Hand": The Revolutionary Crisis in Russia in 1917 and the French Assessments on its Termination', *Modern History of Russia*, vol. 11, no. 3, 2021, pp. 576–588. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2021.301> (In Russian)

Abstract: This article explores how French diplomatic and military representatives in Russia perceived the growing revolutionary crisis of 1917 and what means they proposed to terminate it. Though the French perceptions of the Russian revolution are rather well researched, scholars paid attention chiefly to French estimates linked to the international and strategic situation of Russia and not to the interior processes in this country. Exploring these questions allows us to widen our understanding of the international context of the Russian revolution and to throw new light on the events of 1917 through the lens of French perceptions. This article is based on the underresearched documents from the Diplomatic archives of the French Foreign Ministry and from the National Archives of France. After having analyzed dispatches of French diplomats and military representatives in Russia during 1917, the author discerns two interlinked tendencies of these observers. First, they notice growing disorganization and "anarchy" in Russia; second, they tried to find and to support political forces in Russia that were capable of restoring "order" and to continue the fight in the war. However, inside this conceptual "frame" there were significant controversies. Conservative French diplomats and the military initially put their hopes in Alexander Kerensky and then in General Lavr Kornilov. After being disappointed in both, they tried to restore "discipline" and to conserve the Eastern front by external forces. Left French observers initially had more enthusiasm for the February revolution and even after the evaporation of these hopes warned Paris not to support counterrevolutionary forces in Russia. In many aspects, discussions about Russian policy of France in 1917 foreshadowed the dilemmas in the relations of Paris with "Reds" and "Whites" during the intervention and the Civil war.

Keywords: Russia, Russian Revolution, 1917, France, Entente, Janin, Thomas, Sadoul.

Author: Magadeev I. E. — PhD in History, Associate Professor, Moscow State Institute (University) of International Relations (Moscow, Russia); iskander2017@yandex.ru

Moscow State Institute (University) of International Relations, 76, pr. Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia

References:

Bodrov A. V. 'The reaction of the representatives of the Allied Powers in Russia on the revolutionary events of 1917', *Vestnik of Saint Petersburg University. International relations*, vol. 11, no. 2, 2018. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu06.2018.202> (In Russian)

Coeur S. *La Grande leue à l'Est. Les Français et l'Union soviétique (1917–1939)* (Paris, 1999).

Ferro M. *L'Occident devant la Révolution soviétique* (Bruxelles, 1991).

Galkina Yu. M. *The French military mission in Russia during the First World War* [Candidate of History Dissertation] (Yekaterinburg, 2016). (In Russian)

Janin M. *En mission dans la Russie en guerre (1916–1917)* (Paris, 2015).

- Les armées françaises dans la Grande guerre*, t. 5, pt. 1. Annexes, vol. 1–2 (Paris, 1932).
- Kondratieva T. S. *Bolsheviks-jacobins and the shadow of Thermidor* (Moscow, 1993). (In Russian)
- Magadeev I. E. 'The Eastern front in 1917 and the perspectives of the Russian army viewed by the French military experts', *Novaja i novejšaja istorija*, no. 6, 2017, pp. 29–46. (In Russian)
- Manfred A. Z. *Traditions of friendship and cooperation. From the history of the Russo-French and Soviet-French relations* (Moscow, 1967). (In Russian)
- Paléologue M. *Russia of Tsars on the eve of the Revolution* (Moscow, 1991). (Rus. Ed.)
- Pascal P. *The Russian diary. Inside the French military mission (1916–1918)* (Yekaterinburg, 2014). (Rus. Ed.)
- Pavlov A. Yu. 'Hopes and fears: the French government and the February revolution in Russia' in *V poiskah istoričeskogo istiny: sb. nauchn. statei, posv. 70-letiju prof. V. G. Burkova*, ed. by O. N. Naumov (Moscow, 2017). (In Russian)
- Pavlov A. Yu. 'The problem of conserving the Russian front and the French High military commandership in 1917–1918' in *Pervaja mirovaja vojna — prolog XX veka*, pt. 1, ed. by E. Yu. Sergeev (Moscow, 2014). (In Russian)
- Pavlov A. Yu., Guelton F. *In cabinets and trenches: French military missions in Russia during the First World War* (St. Petersburg, 2019). (In Russian)
- Revjakin A. V. 'France and Russia: the problem of the separate peace in 1917 or the race for survival' in *Rossija i Francija. XVII–XX veka*, vol. 2 (Moscow, 1998). (In Russian)
- Russia in the strategy of the First World War*, vol. 1, ed. by A. Yu. Pavlov (St. Petersburg, 2014). (In Russian)
- Sadoul G. *Notes of the Bolshevik revolution. 1917–1919* (Moscow, 1990). (Rus. Ed.)
- Sinoglou I. 'Journal de Russie d'Albert Thomas', *Cahiers du monde russe et soviétique*, vol. 14, no. 1, 1973.
- Slutskaya L. V. 'Russian revolution of 1917 viewed by the French', *Gistorija: prablemy vykladannja*, no. 3, 2002. (In Russian)
- Smirnov N. N. 'Visit of A. Thomas to Russia (April–June 1917)' in *Rossija. Vek dvadcatyj: Sb. statei k 95-letiju doktora istoričeskikh nauk V. M. Koval'chuka* (St. Petersburg, 2011). (In Russian)
- Smirnov N. N. 'War, revolutionary Russia and France in 1917: new sources', *Modern History of Russia*, no. 3, 2014. (In Russian)
- Solovyov O. F. 'Russia in 1917: from February to October as it was seen by the French', *Voprosy istorii*, no. 1, 1998. (In Russian)
- Torkunov A. V. 'Global role of the Great Russian revolution of 1917', *Vestnik RAN*, vol. 88, no. 5, 2018. <https://doi.org/10.7868/S086958731805002X> (In Russian)
- Vershinin A. A. 'Russian Revolution of 1917 viewed by the French political leaders', *Novaja i novejšaja istorija*, no. 5, 2017. (In Russian)
- Vidal G. *Une alliance improbable: L'armée française et la Russie soviétique 1917–1939* (Rennes, 2015).
- Zak L. M. *They represented the people of France. From the history of the French internationalists, 1918–1920* (Moscow, 1977). (In Russian)

Received: February 8, 2021

Accepted: May 10, 2021